

ПРЕДВИДЕНИЕ В ПРАВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2022 г. Р. Ф. Степаненко

Казанский (Приволжский) федеральный университет;
УВО «Университет управления ТИСБИ», г. Казань

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.05.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и возможности использования предвидения в праве. Будучи научной и ненаучной формой предсказания развития того или иного явления, события, ситуации в праве, предвидение основывается на знании (предзнании) объективных закономерностей, тенденций и случайностей и имеет вероятностный характер. Верификация предвидения подтверждается практикой, и знание о предполагаемом варианте событий может быть как эвристически положительным, так и отрицательным. Реализуясь в таких формах, как целеполагание, прогнозирование и управление, предвидение в праве позволяет предпринять ряд мер превентивного свойства, минимизирующих возможное наступление негативных для социального порядка последствий. Целесообразность предвидения в праве ограничена теми методологическими возможностями правоведения, которые преодолеваются при помощи методологии междисциплинарности, приобретающей научную популярность.

Ключевые слова: предвидение, предвидение в праве, прогнозирование, конструктивизм, методология междисциплинарности, правовая политика.

Цитирование: Степаненко Р. Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54.

DOI: 10.31857/S102694520022759-5

FORESIGHT IS IN THE LAW: METHODOLOGICAL POSSIBILITIES AND PROSPECTS

© 2022 R. F. Stepanenko

Kazan (Volga Region) Federal University;
Higher Educational Institution "TISBI University of Management", Kazan

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Received 23.05.2022

Abstract. The article discusses the problems and possibilities of using foresight in law. Being a scientific and unscientific form of predicting the development of a phenomenon, event, situation in law, foresight is based on knowledge (foreknowledge) of objective laws, trends and accidents and has a probabilistic character. The verification of foresight is confirmed by practice and knowledge about the expected scenario of events can be both heuristically positive and negative. Being implemented in such forms as goal-setting, forecasting and management, foresight in law allows you to take a number of preventive measures that minimize the possible occurrence of negative consequences for the social order. The expediency of foresight in law is limited by the methodological possibilities of jurisprudence, which are overcome with the help of the methodology of interdisciplinarity, which is gaining scientific popularity.

Key words: foresight, foresight in law, forecasting, constructivism, methodology of interdisciplinarity, legal policy.

For citation: Stepanenko, R.F. (2022). Foresight is in the law: methodological possibilities and prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 47–54.

Неопределённость и неустойчивость современного мирового порядка, усугубляемые диахронностью технологической цивилизации, множеством проблем политического, социально-экономического, экологического, культурологического и другого характера, к сожалению, свидетельствуют об умалении роли и значения права как социокультурной универсалии, предназначенной для упорядочивания конфликтных и рискованных областей межлических и межгосударственных коммуникаций. В данном контексте следует отметить негативные стороны глобализационных процессов, «стирающих» правовые контуры ценностно-мировоззренческих ориентаций. Ранее востребованные легальные и легитимные традиционные способы решения юридических конфликтов и набирающие сегодня обороты варианты силовых, экономических, информационных и откровенно безнравственных моделей и механизмов неправового свойства всё более открыто отказываются от правовых возможностей и способствуют упразднению роли права, особенно в межгосударственных взаимодействиях.

Изменения статусных позиций международного права со всей очевидностью экстраполируются и в сферу внутригосударственных правовых систем, видоизменяя их и влияя на качество законотворчества и правореализации в целом. Необходимо признать существующие деэволюционные процессы и в структуре системы права, связанные с нежеланием отдельных правовых институтов уделять внимание предвидению тех или иных нежелательных явлений, связанных с дезактивацией человеческой деятельности не всегда в социально полезном для общества русле. Технологизация, цифровизация, коммерциализация, предпринимательство, извлечение выгоды и многое другое, оказавшись ключевыми, реперными точками Общества потребления и Общества риска, со всей неизбежностью породили диктат потребительства, примат силы над правом, атомистический индивидуализм, утрату традиционных ценностей, не замечать которые гуманитарная наука не могла. Привычная формула для науки: описание, объяснение и предвидение (прогнозирование), зачастую оказавшись с выводами, но без перспективы их реализации даже в обозримом будущем, становится хотя и полезной, но ограничивается, как правило, статикой, а не динамикой или устремлённостью в удалённые горизонты будущей реальности. В то же время представляется наиболее актуальным знание, содержащее пусть даже толику предвидения, чем знание, констатирующее только существующую реальность.

Сказанное интенсифицирует методологическую потребность осмысления самого предвидения как минимум в трёх условных плоскостях: а) «не-знания», предчувствия или же нерационального, внеопытного, не требующего верификации или опровержения комплекса представлений о будущем (мистика, оккультизм, эзотерика, астрология, экстрасенсорика, спиритизм и др.); б) «над-знания» – синтезирующего рациональное или иррациональное в прогностику институционального и стимулирующего знания (теология, культурология, философия, идеология и т.д.); в) «пред-знания» – рациональной, верифицируемой, достоверной, нормотируемой информации о будущем объективной реальности.

В этом контексте отмеченные предпосылки получения вероятностных знаний о предстоящей правовой реальности могут иметь как положительное, так и отрицательное эвристическое значение, но в том и другом случае важное с предусмотрительных научных позиций превентивной функции права. На самом деле концепт правовой реальности не может ограничиваться только фиксирующей позицией бытия права и бытия человека в праве. Интересен как ретроспективный, так и проспективный аспект эволюции этой реальности.

Здесь научное предвидение, отличаясь от обыденного, но схожее с ним по признаку интуитивности, основанием своим предполагает образованность, интеллектуальность, профессионализм, аналитичность и критичность мышления, этику и мораль субъекта научного предвидения.

Предвидение и позитивной, и негативной эвристики (Лакатос) зависит во многом от возможностей и способностей познающего и пытающегося предвосхитить происходящие события субъекта. Реализуясь в таких формах предвидения, как целеполагание, прогнозирование и управление, методологическое и методическое их обеспечение посредством развития множества методов и средств (планирование, проектирование, моделирование, реконструкция и конструирование и др.) позволяет создавать будущие объекты реальности и предлагать абстрактно и рационально теоретические формы знаний о ней предвосхищающего события характера.

Будущие объекты реальности преодолевают «механически-зеркальное» отражение существующих общественных отношений в научном мышлении – особенно, отмечено Д.А. Каримовым. «Научное мышление богаче самого объекта не только в силу проникновения в его сущность, но также и потому, что включает в себя возможность его преобразования, развития, прогресса»¹, тем самым придавая научному познанию характер не только актуальности, но и конструктивной новизны.

Условием инновационного и поступательного движения к предвидению в развитии социальных, в том числе правовых явлений, становятся системность, всесторонность и комплексность познания. Сказанное представляет возможность выявлять перспективы развития общественных отношений, в том числе правоотношений и отдельных сфер социальной жизни в их системной взаимосвязи. Предвидение в праве предполагает в первую очередь конструирование общей картины социальной жизни, а затем определение задач предвидения, охватывающих все стороны и характеристики государства и общества. Здесь важно «выстраивать» предвидение исходя из глубокого анализа политических, социально-экономических, идеологических, духовных, культурных, демографических и иных факторов, с учётом материальных и духовных интересов и потребностей человека и гражданина, общества и государства.

Принимая во внимание сложность, разнородность и дифференциацию современного российского общества, дискретность культурных и духовных его элементов, а также неопределённость политических и экономических состояний, предвидение усложняется неимоверно. Процедура (метод) абстрагирования в праве – «способ построения правовой материи (норм права, понятий права и т.д.) и способ научного изучения правового регулирования...»², при помощи которой отвлечённо от единичного и существующего можно моделировать воображаемый в будущем объект или правовой образ. Здесь решается главный для предвидения вопрос: что из изучаемого является существенным, а что второстепенным?

Конструктивистский подход, задействованный в числе первостепенных в методологии предвидения, объясняет и способствует созданию нового знания. Его роль в теоретическом (абстрактном, гипотетическом, идеализированном) познании обусловлена переходом от эмпирического к концептуальному

¹ Каримов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 102.

² Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределённости: курс лекций. М., 2015. С. 20.

знанию, и наоборот. Аналогично и со сложными конструкциями, устремлениями в будущее, когда продукт научного творчества мыслится не как автохтонная целостность, но как подвижная институция в кинетике (статике и динамике) существенных преобразований социальной, государственно-правовой и экзистенциальной реальности.

Усложнение процессов и процедурности взаимодействия человека и общества, человека с государством и правом возлагает на научное предвидение большие надежды. Философское предвидение, в частности, в конструктивистском подходе, обращает внимание на необходимость не только «заглянуть в будущее», но и суметь предугадать последствия от тех своих действий, которые носят и правовой, и неправовой (маргинальный), и противоправный характер. Отсюда предвидение последствий «на перспективу» актуализирует инициирование разнообразных нормативных конструкций и конфигураций в праве. Начиная с замыслов конкретных правовых норм и заканчивая оценкой правовой эффективности в целом, такая потребность ощущается во избежание неопределённости.

Философский взгляд на конструктивизм, изложенный в работе Д.А. Шелудченко, даёт представление о предвидении с методологических позиций, важных, как видится, для правоведения. Конструктивизм, получивший своё развитие в идеях И. Канта, развился в дискуссию репрезентативной теории эпистемологии, утверждающей, что «мы можем знать только те объекты, которые конструируем сами». Но эти объекты не являются независимыми от разума. Умеренный конструктивизм (конструктивный реализм) объясняет неконструируемость реальности по первому желанию человека. Но как «не всё доступно человеческому познанию, так и не всё будет доступно в будущем», отличает данное направление от иных. Радикальный конструктивизм (Э.Ф. Глазерфельд) отмечает адаптационные механизмы в познании мира, которые не подразумевают адекватность наших представлений о нём. По мнению И. Мутураны, одного из представителей этого направления, «никакого объекта познания нет». Такое отрицание привело его к определению знания как умения адекватно реагировать на ситуацию, познание рассматривается им как «эффективное действие, способствующее выживанию познающего в окружающей его среде»³. А вот социальный конструктивизм рассматривает социальную реальность в виде продукта непрерывной деятельности людей, динамический процесс, общественный конструкт, и человеку в нём свойственно предвидеть будущее. Что касается непосредственно предвидения, то, с точки зрения автора, — «это гипотетическое знание о будущем, которого ещё нет, но которое имплицитно содержится в настоящем в виде объективных условий, предпосылок, тенденций дальнейшего хода развития... Сконструировать образ мира, каким он должен быть»⁴. Последнее трансформируется в сферу рассмотрения функционального назначения науки, в том числе юридической, в прогностическом и методологическом контекстах.

Роль гуманитарной науки, в том числе правоведения, в складывающихся сциентистских (приветствующих достижения естественных и технических наук) традициях, к сожалению, представляется пессимистичной, но всё-таки она способна возвыситься, если мировоззренческие ориентации правоведов будут направлены не только на фиксацию происходящих процессов «здесь и сейчас». Выход за пределы

существующей правовой реальности методологически целесообразен и необходим, каким бы проблематичным процессом такое предвидение не являлось. В пространстве дисциплинарности юридической науки прогностическая функция возложена на теоретическое право- и государствоведение, что непосредственно вытекает из целеполагания фундаментальной юриспруденции. Цели в праве на концептуальном уровне формируются в теоретико-исторических науках, являющихся первоосновой, фундаментом правоведения, и объясняют вектор не только становления и функционирования, но и дальнейшего развития права и правовых цивилизаций.

Целесообразность права в функциональном значении опосредуется и репрезентируется в его способности скоррелировать свои цели с целями развития цивилизаций. Внутренние цели права соотносятся с задачами построения правопорядка, защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечением социально-экономической безопасности граждан, улучшением качества их жизни, благополучия и т.д. Внешние же цели права, учитывая целерациональность правовых систем на юридической карте мира, означают реализацию тех его возможностей, при помощи которых можно вообразить миропорядок, основанный на Справедливости, Равенстве и всеобщей социальной гармонии.

Предвидение вообще и предвидение в праве, в частности, расширяет проблемное поле его изучения, в том числе на пути междисциплинарного подхода. Сегодня, как отмечает В.М. Баранов, «междисциплинарность не просто один из главных трендов юридической науки и образования, это — гармоничное слияние разных познавательных миров, соединение точного естественно-технического знания и в значительной мере абстрактного, “текущего” правового мышления с его воображением и интуицией, эмоционально ограниченного юридического моделирования»⁵. Последнее, осуществляемое посредством интуиции, чувства эмпатии, провидения и воображения, суть требование логики научного развития, основанной как на преемственности предшествующих знаний, так и на новациях, моделируемых современным научным мышлением, выходящим «за пределы сложившейся готовой системы знания на основе выдвижения новых диалектически по своей сути — фундаментальных идей»⁶.

Новые идеи о праве, зарождающиеся в вероятностном, воображаемом, проспективном и предпочтительном для научного проекта пространстве, требуют как минимум общенаучного обоснования, что осуществимо при содействии философии, истории, политологии, экономической теории, психологии и других гуманитарных и естественно-гуманитарных наук, когнитивистика которых приложима к объектно-предметной сфере изучения юриспруденции. В условиях преобразований такое интегральное (синтетическое) приращённое знание становится наиболее достоверным, особенно при осуществлении процессов предвидения. Отсюда возрастает и роль синергетики, с осторожностью транслирующей свой мейнстрим в пространство понимания правовых систем как открытых, нелинейных, динамично саморазвивающихся, полифакторных образований. Уяснение множества случайных неконтролируемых и слабо поддающихся изучению факторов играет существенную роль для вероятности верификации предвидческих процедур в правоведении. Ключевым вопросом или отправной точкой предвидения в праве является

³ Шелудченко Д.А. Философское предвидение: конструктивистский подход // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4.

⁴ Там же.

⁵ Баранов В.М. Правовая рискология в технико-юридической среде // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 14.

⁶ Кохановский В.П. и др. Философия науки в вопросах и ответах. Ростов н/Д., 2006. С. 114.

понимание самого права (правопонимание). Известно множество классификаций и типологизаций, с той или иной степенью успешности нацеленных в перспективу.

Опережающими время тенденциями в праве называли интегративное (синтетическое) правопонимание Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, А.С. Ященко и другие российские учёные дореволюционного периода. В противовес монистической теории права и государства обосновывалась синтетическая теория, рассматривающая природу права, его понимание, познание и предвидение его закономерностей развития в государственно-организационных, нормативных, социологических, исторических, психологических и аксиологических контекстах.

«Русские правоведы, открыв и обосновав интегративную теорию права, опередили время. Как представляется, это научное достижение ставит их в ряд учёных не только европейского, но и мирового значения»⁷. Аналогично с позиций предвидения следует исследовать и прогнозировать проблемы государственного управления. Так, Б.А. Кистяковский полагал, что можно установить четыре линии для изучения государства: историко-политическую, социологическую, психологическую и философско-идеологическую⁸, где последняя должна иметь характер предвидения.

Не требует дополнительной аргументации объяснение интегративной природы права, ранее идеологически отрицаемой адептами догматической юриспруденции и удерживаемой ими в силу многих обстоятельств, не свойственных плюралистическому, толерантному интегративному правопониманию. Однако и догматической юриспруденции были не чужды идеи предвидения. Здесь мы имеем в виду множество увлекательных идей об «отмирании» права и государства, наступлении эры всеобщего благополучия, абсолютного равенства, установлении всеобъемлющей справедливости и т.д., что более напоминает футурологические обобщения, а не научное предвидение, хотя и не без отдельных извлечений. Например, к последним можно, в частности, отнести идеи И. Бентама, получившие развитие в концепции М. Фуко «паноптикумизма» («всеподнадзорность»), и др. В то же время критика предвидения также имела место в научных исследованиях. Так, анализируя учение Гегеля о праве и государстве, известный правовед А.А. Пионтковский замечает: «Гегель лишь угадал диалектику вещей в диалектике понятий, он её не понял, а поэтому и не мог применить к изучению природы и общества»⁹. Назвав учение Гегеля мистическим, А.А. Пионтковский тем самым «вскрыл» противоречие между рациональным и иррациональным знанием в духе марксистско-ленинской философии, доминировавшей в период творчества данного автора.

Научное предвидение, базирующееся на научном мышлении, устремлено в область изучения известных оппозиций действительного и возможного, отражения и опережающего отражения рационального и иррационального, а также многого другого, что отличает прагматичное юридическое знание от иного.

Рассуждая об отражении и об опережающем отражении в праве, Д.А. Керимов подчёркивает отсутствие

⁷ Теория и методология юридической науки: учеб. для магистратуры: в 2 ч. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2019. Ч. 1. С. 312, 313.

⁸ См.: там же. С. 131.

⁹ Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1963. С. 53.

сколько-нибудь подробной разработки данной проблемы в «скудном методологическом багаже отечественного правоведения». Через понимание опережающего отражения объективной реальности в законодательной сфере как необходимости подчёркивается способность её развития в целом. Забегая вперёд и «проецируя на будущее» опережающее видение, например, регулируемых отношений, представляется активным достижение поставленных целей еще до момента их реализации. «Система правовых категорий окажется действительной лишь в том случае, если она не просто пассивно отражает реальность..., но и — что не менее важно — с опережением отражает существующую реальность..., когда закрепляет не только то, что есть, но и то, что должно быть. Иначе говоря, открывается возможность предвидения и прогностических оценок характера правового воздействия на будущие общественные отношения»¹⁰. Предвидение исследуется Д.А. Керимовым и через анализ соотношения категорий «действительность» и «возможность». Эволюция правовой системы выясняется через понимание степени детерминации прошлым настоящего, а настоящим — будущего. Правовая возможность, потенциально содержащаяся в действительности в виде предпосылки, тенденций развития, «является лишь потенцией социальной действительности..., “промежуточным звеном” между существующей действительностью и её будущим состоянием... В сущности, эффективность действия права есть не что иное, как степень реализованности необходимой правовой возможности»¹¹, что методологически важно с позиции как выявления тенденций, так и установления стратегий правовой политики в целом, при помощи т.н. предикативной аналитики, основанной на историческом опыте.

Ранее советская академическая наука под предвидением понимала «научное предсказание о ходе развития того или иного явления, события в будущем, основанное на имеющемся знании объективных закономерностей и тенденций развития данного явления, события. Всякое предвидение включает элементы вероятностных предположений, выдвижение гипотез. Правильность предвидения проверяется практикой»¹². Соответственно, предикат как сказанное в суждении и отображающее наличие или отсутствие того или иного свойства, признака стороны у предмета может иметь либо истинный, либо вероятностный, либо ложный характер, что важно для осмысления объекта в будущем, настоящем и прошлом. Для предикативной (предсказательной) аналитики, безусловно, важным являются гносеологические тенденции, рассматриваемые в трудах правоведов, обосновывающих стратегии развития права.

Именно отечественная доктрина правовой политики, развиваемая российскими учёными с конца XX — начала XXI в. (Н.И. Матузов, А.В. Малько, О.Ю. Рыбаков, В.А. Рудинский и др.), непосредственным и необходимым образом манифестирует задачи предвидения в обосновании стратегий правового развития России. Ещё в конце XIX в. С.А. Муромцев определял правовую политику (политику права) как значимую часть юридической науки, задача которой состояла в том, чтобы разрабатывать социальные проекты и средства их воплощения. В этой связи С.А. Муромцев писал: «В настоящее время целые отрасли их в значительной степени, а иногда и всецело, прозябают на старом пути. Общее изучение *порядка развития*... отодвигаются на второй план..., постановка вопросов и изыскание ответов подчинены указаниям практических

¹⁰ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 104.

¹¹ Там же. С. 278–285.

¹² Кондаков И.А. Логический словарь. М., 1971. С. 412.

интересов..., господствует интерес дня, — заботятся только об удовлетворении ближайших потребностей..., юриспруденция в особенности является отсталой»¹³.

Однако ретроспективный анализ научного творчества правоведов указанного периода позволяет возразить определённым образом авторитетному правоведу. Так, например, русским юристом Н.А. Тимашевым в 1916 г. была защищена докторская диссертация «Преступное возбуждение масс». Начатое ещё в 1914 г. исследование и предшествующие ему работы в период, не так явно предвещавший грандиозные революционные события, носили характер предвидения с точки зрения изучения изменения индивидуальных психических процессов и особенностей человеческой психики на пороге глобальных социальных преобразований. Кроме того, изучаемые автором проблемы властвования и этики, социальных процессов и правовых систем и диагностирование их состояния в настоящем и будущем объясняли возможности предвидения в правовой науке, что подтверждается названием диссертации.

Теоретическое правоведение, изучая правовую культуру и правовое сознание в России и за рубежом в ретро- и проспективе, уделяет пристальное внимание не всегда поддающимся выявлению их социокультурных особенностей с перспективой на будущее.

Провидческим можно назвать учение И.А. Ильина о правосознании и духовном достоинстве личности. Рассуждая о внутренней природе духовного рабства и бремени, неуважения к самому себе, автор выявляет глубокие недуги такого человека. Пережив ещё в детстве недуги самоуверждения и не поборов их, он пребывает в униженном состоянии. Такая личность имеет лишь «человекообразную видимость бытия, она не доверяет самой себе, превращает свою жизнь в своеобразную смесь из цинизма и лицемерия», «запутываясь в трагической безысходности». Душа такой личности слепа, воспринимая всё через свои страсти и потребности, измеряя жизнь интересами и силой. В основе такой души лежит «продажность». «В основе всякой продажности — взятки, публичная коррупция, всяческой демагогии и международного корыстного предательства лежит духовная слепота и отсутствие собственного духовного достоинства... и в политическом отношении он является существом недееспособным. Ему не доступны ни здоровое правосознание, ни государственный образ жизни, ни патриотизм. Ибо всё это имеет духовную природу, для которой он слеп и безразличен..., не уважая себя, он не уважает и гражданина в себе...»¹⁴.

Предвидя кризис российского правосознания, И.А. Ильин взывает к нравственно-этическим, религиозным, моральным и ментальным качествам, целям и мотивам, способным породить индивидуальное и социальное «переживание» права, «переживание» нормы. Используя методологический арсенал правоведения, социологии, психологии, истории, религиоведения и т.д., автор показывает читателю собственные представления и переживания и предвидение, знание о предстоящих правовых явлениях, актуальность которых неоспорима сегодня.

Анализируя творчество И.А. Ильина в работе «Проблемы теории и философии права», Е.А. Фролова подчёркивает

¹³ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб., 2004. С. 25, 26.

¹⁴ Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и биограф. очерком В.А. Томсинова. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 471, 472.

вневременной характер его учения¹⁵. Испытывая на себе влияние кантовских идей, И.А. Ильин и другие представители естественно-правовой философии (С.Н. Бердяев, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Е.Н. Трубецкой и др.) выстраивали духовную и гуманную линию судьбы России, её социального идеала. Уделяя особое внимание в своих произведениях личности, П.И. Новгородцев придаёт ей божественный образ, отмечает В.Н. Жуков, цитируя последнего: «Личность — это бесконечность возможностей, это безграничность перспектив, и в этом смысле... это образ и путь осуществления абсолютного идеала»¹⁶. Именно в представлениях о неизменном совершенстве человеческой жизни заключается нравственный смысл цивилизации. «Не в связи с будущим, а в связи с вечным получает значение и оправдание отдельная эпоха, каждое отдельное положение...»¹⁷, подчёркивает мысль автора В.Н. Жуков.

Естественно-правовая концепция, выстраиваемая на ценностно-мировоззренческих, смысложизненных и общечеловеческих ориентирах, своим целеполаганием определяет защиту прав и свобод человека. Признание их высшей ценностью означает возложение серьёзных обязательств на государство. В свою очередь, «человечество пришло к идее необходимости реального осуществления правового государства как к идее незыблемости, неотчуждаемости, защищённости прав человека, которые государство не дарует, но признаёт и реализует»¹⁸. Осуществление своей основной функции — защита прав и свобод человека — на протяжении развития государственности всегда сталкивается с многочисленными проблемами разнообразного характера. Предвидеть многие из них не всегда представляется возможным, но изучать причинность негативных явлений необходимо постоянно. Об этом свидетельствуют положения общеправовой теории маргинальности, акцентирующей внимание на предпосылках развития негативных сценариев такого рода, как ускорение глобализации / антиглобализма, провоцирующие искусственно быстрое вхождение / выход национальных правовых систем в иное мегапространство, неритмичность и дискретность социально-экономического, культурного, демографического развития; отсутствие единства в понимании защиты разным способом публичных и частных интересов; несовершенство, проблемность законодательства и многое другое¹⁹, что в условиях нашего миропорядка требует приложения многих усилий, в том числе правовой науки в предвидении как самих явлений деструктивного свойства, так и их последствий, для обоснования способов и механизмов предотвращений которых служит юридическая наука и практика.

Возможность предвидения в юридической науке предполагает, как отмечалось, формулирование «стратегий и тактики права» (А.В. Малько). В алгоритмах выстраивания и обоснования основных направлений правовой политики используются методы прогнозирования, проектирования, конструирования, моделирования и т.д. Например, прогнозирование, по мнению К.В. Агамирова, является «процессом научного

¹⁵ См.: Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 69.

¹⁶ Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 362.

¹⁷ Там же. С. 370.

¹⁸ Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021. С. 141.

¹⁹ См.: Степаненко Р.Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. 2014. № 6. С. 98—103.

предвидения будущих событий на основании информации о процессах в настоящем и прошлом... Описание, объяснение и прогноз являются тремя основными функциями любой научной теории..., юридическое прогнозирование исследует имманентно присущие правовой действительности процессы, равно как и нормативные структуры..., формулирует перспективы развития правовой системы, которые могут быть документированы и даже наделены юридической силой»²⁰, что придаёт юридическому прогнозированию ценность на краткосрочную и долгосрочную перспективу и является, по нашему предположению, важным методом (средством) предвидения не только в правовой политике, но и в праве и государстве в целом. Хотя, соглашаясь с К.В. Агамировым, это и процесс, поскольку есть цель в праве, постольку постулируется и совершается процесс.

Метод проектирования используется в политико-правовых концепциях в связи с исследованиями и права, и государства. О.И. Зазнаев и В.В. Сидоров подчёркивают целесообразность проектного мышления в познании государственного управления. Разрабатывая новые проекты, например, в сфере преобразований форм правления, могут предлагаться варианты, наиболее соответствующие эволюционному развитию государств. Проектирование форм правления в рамках теории рационального выбора зависит от потребностей общества, а целью такого проектирования становится реализация «представлений об идеальной системе, опирающейся на политико-правовые ценности»²¹.

Правовое моделирование в методологии предвидения играет свою прагматическую роль и приобретает всё большую популярность в построениях и обоснованиях гипотетических моделей идеализированных объектов с применением ранее обоснованных абстракций разноуровневого порядка. Знаковое моделирование возможно в виде таблиц, схем, конкретных элементов нормы права, самой нормы, ситуаций, в том числе с использованием компьютерного моделирования. В последнее время юридическое образование широко использует практики правового моделирования и проектной деятельности учреждений и организаций, осуществляющих правовую деятельность. Такого рода опыт участвует в предвидении эффективной организации профессиональной деятельности будущих юристов, хотя, как и многое другое в предвидении, имеет вероятностный характер.

В продолжение нашего исследования, посвящённо предвидению в праве и его возможностям представлять проекты будущего в правовой реальности, хотелось бы рассмотреть один из опытов предвидения, осуществлённый известным английским философом права Д. Ллойдом. Рассуждая о правовых проблемах ближайшего будущего, «таящего в себе и большие надежды, и невиданные опасности», в работе «Идея права» (1964 г.) автор останавливает пристальное внимание на реформах судебных процедур, роли университетов, обучающих социальным наукам, месте права на международной арене и в деятельности международных судов (трибуналов), что коррелирует с проблемным полем российского правоведения в той мере, в которой предвидение Д. Ллойда можно отнести к верифицируемому (достоверному) знанию.

В области судебных процессуальных процедур Д. Ллойд предполагает их открытость и, более того, транспарентность

²⁰ Агамиров К.В. Прогнозирование как средство правовой политики в экономической сфере: отечественный и зарубежный опыт // Государство и право. 2020. № 10. С. 24.

²¹ Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Формы правления и этнические конфликты. Казань, 2020. С. 184.

всех правовых систем, когда «ни одна территория из сфер правовой системы не будет рассматриваться как некая священная территория»²², что в полной мере можно наблюдать сегодня. Второе – в сфере юридического образования в ближайшем будущем «станет не столько акцент на независимом характере права, сколько на его функции, как инструмента социального взаимодействия»²³, получит развитие междисциплинарный подход в правовой науке и образовании. Несмотря на то что право сегодня понимается как функциональное и прагматическое средство разрешения конфликтов, причём уже случившихся, уже совершённых правонарушений, т.е. фактически «постфактум инструментом», познанию его истинной природы на деле посвящается множество междисциплинарных исследований. Последнее важно в том числе для опровержения объяснения права только как «функционала». Что касается роли права на международной арене и деятельности международных судов (трибуналов), то автор отмечает возрастание отстаивания позиций отдельными государствами в части сопротивления решению трансграничных конфликтов в юрисдикции международного суда. Конфликтность будет повышаться за счёт скорее политических, чем правовых причин и их последствий. «В подобных случаях приоритет имеют политические соображения, противостоять которым не в состоянии ни одна правовая теория..., при современном политическом балансе на мировой арене великие державы, такие как США, должны проявлять добрую волю и соглашаться на подчинение всех сторон юрисдикции независимого суда»²⁴.

Особенно важным представляются взгляды Д. Ллойда на преступления против человечества и геноцид. Преступления такого рода смогут, по мнению автора, «совершаться... против всего человечества в целом в результате действий, совершаемых с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как это имело место в нацистской Германии и получило название “геноцид”»²⁵. Но «обвинение в геноциде предъявлялось ретроспективно по отношению к совершившим его..., в современном мире должна признаваться способность международного права к развитию, равно как к существованию деяний, столь отвратительных по своему характеру..., что возникает необходимость в правовом признании их незаконности, даже если до того они не были объявлены вне закона»²⁶. Представляется, что к сказанному не требуются отдельные политико-правовые комментарии и научные обоснования такого подхода, который сформулирован задолго до того, как такая необходимость ощущается сегодня.

Основным же предвидением с позитивной эвристикой, которое следует констатировать с помощью целенаправленного прогнозирования, проектирования, моделирования, управления и др., хотелось бы обозначить видением будущего Д. Ллойдом в таком образе и представлениях мироустройства, «где идея права будет играть всё возрастающую и наиважнейшую роль»²⁷.

Предвидение или использование интуитивного созерцающего и проникающего в существо проблемы знания основано на эмпатии («вчувствовании») в суть происходящих

²² Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. М., 2002. С. 383.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 385.

²⁵ Там же. С. 387.

²⁶ Там же. С. 388.

²⁷ Там же. С. 387.

событий в настоящем явлений и ситуаций. В научном предвидении отображается «интеллектуальная интуиция» (Р. Декарт), производя в контекстах «идеирующей абстракции» (Э. Гуссерль) образы будущего в той или иной области. В правовой науке сегодня актуализируется модель правовой футурологии и футуристического права, что, конечно, воспринимается научным сообществом с определенным скептицизмом. «Триггером» такого разнопланового восприятия стало монографическое исследование И.А. Умновой-Конюховой «Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии»²⁸. Элементы футурологии представлены и в семантическом поле государственного права.

Так, в популярном, ставшем бестселлером монографическом исследовании известного российского юриста и общественного деятеля С.Н. Бабурина «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма» в разделе «Футурология правосудия нравственного государства» освещаются проблемы правосудия, адвокатской деятельности, прокурорского надзора и др. Данные проблемы преодолеваются, по мнению автора, путём выборности судей населением, придания адвокатской деятельности авторитетного статуса, в том числе посредством процессуальной легитимации, восстановления положения прокуратуры в качестве «навигающей вертикали в полном объёме». Моделируя образ будущего правосудия в целях установления торжества Правды, нравственности и морали, автор отмечает: «В таких случаях на первый план неизбежно должна выступить продуманная правовая и социальная политика»²⁹.

* * *

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть очевидность понимания того, что возможности и способности предвидения — это дар. Использование этого природного дара в науке наиболее позитивно. Преумноженный интеллектуальными и аналитическими способностями, логическим рациональным и философски иррациональным мышлением, приращенный достоверной научной и иной информацией, обогащённый морально-этическим содержанием такой дар мог бы поддержать и методологически развивать в научных концепциях правовую ценность. Проявляясь в рациональном, нерациональном и иррациональном «предзнании» о праве в будущем посредством различных модальностей достоверного и опровержимого, истинного и вероятностного, верифицируемого и внеопытного, предвидение как компонент человеческого разума и веры бесценно. «Будучи делом рук человеческих, потому и погрешимом» (К. Поппер), предвидение не следует недооценивать, как одновременно и превозносить.

Предвидение на самом деле случается там и тогда, когда оно может или должно случиться. Исследования одарённых предвидения проводятся в разных областях естественных и естественно-гуманитарных знаний и прирастают новыми теоретическими идеями и концепциями. По большому счёту наука и не сложилась бы, если бы ей не предшествовали виды мифологического, религиозного, художественно-образного и иного познания. Эволюция науки, всегда сопровождаемая заблуждениями и ошибками, демонстрирует специфику

и уникальность процесса постижения истины. Траектории заблуждений и ошибок в предвидении просчитать невозможно, поскольку оно становится верным только после подтверждения предсказаний фактологическим опытом. Тем не менее любое научное познание есть описание, объяснение и предсказание, где последнее суть мотиватор развития науки. Конечно, рациональное знание, особенно в наш проблематичный век, оказывается, бесспорно, более полезным. Однако если перефразировать известное изречение К. Маркса об экономическом положении как «не единственном явлении общественной жизни», то можно сказать, что рациональное знание хотя и является решающим, но не единственным в процессе научного развития.

«Даже псевдонаука может случайно наткнуться на истину» (К. Поппер), и аномальное знание, не соотносимое в конкретный период с некоторым научным одобрением, может быть незаслуженно опровергнуто. Так, например, идеи Н. Бора о принципе дополнительности считали «дикими и фантастическими», высказываясь о них так: «Если этот абсурд, который только что опубликовал Бор, верен, то можно вообще бросать карьеру физика»; «выбросить всю физику на свалку и самим отправиться туда же»³⁰. Стоит добавить к сказанному и классический пример предвидения: «и всё-таки она вертится», озвученное или Дж. Бруно, или Г. Галилеем, или Николаем Коперником, что научно не установлено с точностью, но адресуется многим. «У победы сто отцов», а жертвой инквизиции стал Джордано Бруно...

Что касается методологии предвидения, то, как отмечал П. Фейерабенд, выступавший против методологического принуждения, «не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни была, которая способна улучшить наше познание»³¹. Методологическая формула пролиферации П. Фейерабенда «допустимо всё», подвергнутая острой критике научным сообществом в советский период, на самом деле глубоко прогностична. Им указано: «Материал, находящийся в распоряжении учёного..., предполагает принципы, которые учёному неизвестны, а если и известны, то их чрезвычайно трудно проверить»³², исчезающие границы между наукой и не-наукой — явление прогрессивное. Колдовство, традиционная китайская медицина и др. имели прочную, но «недостаточно понятную материальную основу», были под запретом до 1954 г. Когда Министерство здравоохранения Китая выступило за возрождение традиционной медицины, как в Китае, так и на Западе осознали существование ненаучных, ошеломляющих результатов феномена предвидения, не имеющего объяснения в науке. «Именно так сегодняшнее знание завтра может стать сказкой, а самый смехотворный миф может вдруг превратиться в наиболее прочную составляющую науки... Плюрализм теорий и методологических воззрений важен не только для методологии — он является также существенной частью гуманизма»³³, а это уже методологический постулат, или эйдос социогуманитаристики, в том числе правоведения, в котором предвидение должно занять своё достойное место.

³⁰ Кохановский В.П. и др. Указ. соч. С. 15.

³¹ Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и автор вступ. ст. И.С. Нарской. М., 1976. С. 163.

³² Там же. С. 523.

³³ Там же. С. 184, 185.

²⁸ Умнова-Конюхова И.А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. М., 2021.

²⁹ Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М., 2020. С. 347.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамиров К.В. Прогнозирование как средство правовой политики в экономической сфере: отечественный и зарубежный опыт // Государство и право. 2020. № 10. С. 24.
2. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М., 2020. С. 347.
3. Баранов В.М. Правовая рискология в технико-юридической среде // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 14.
4. Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределённости: курс лекций. М., 2015. С. 20.
5. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 362, 370.
6. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Формы правления и этнические конфликты. Казань, 2020. С. 184.
7. Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и биограф. очерком В.А. Томсинова. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 471, 472.
8. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 102, 104, 278–285.
9. Кондаков И.А. Логический словарь. М., 1971. С. 412.
10. Кохановский В.П. и др. Философия науки в вопросах и ответах. Ростов н/Д., 2006. С. 15, 114.
11. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. М., 2002. С. 383, 385, 387, 388.
12. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1963. С. 53.
13. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб., 2004. С. 25, 26.
14. Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021. С. 141.
15. Степаненко Р.Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. 2014. № 6. С. 98–103.
16. Теория и методология юридической науки: учеб. для магистратуры: в 2 ч. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2019. Ч. 1. С. 131, 312, 313.
17. Умнова-Конюхова И.А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. М., 2021.
18. Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и автор вступ. ст. И.С. Нарской. М., 1976. С. 163, 184, 185, 523.
19. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015. С. 69.
20. Шелудченко Д.А. Философское предвидение: конструктивистский подход // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4.

Сведения об авторе

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18; профессор кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления ТИСБИ»; 420012 г. Казань, ул. Муштари, д. 11/43

REFERENCES

1. Agamirov K.V. Forecasting as a means of legal policy in the economic sphere: domestic and foreign experience // State and Law. 2020. No. 10. P. 24 (in Russ.).
2. Baburin S.N. The Moral state: a Russian view of the values of constitutionalism / preface by I.M. Ragimov. M., 2020. P. 347 (in Russ.).
3. Baranov V.M. Legal riskology in the technical and legal environment // Legal technique. 2019. No. 13. P. 14 (in Russ.).
4. Vlasenko N.A. Problems of legal uncertainty: a course of lectures. M., 2015. P. 20 (in Russ.).
5. Zhukov V.N. Russian Philosophy of Law: from rationalism to mysticism. M., 2013. P. 362, 370 (in Russ.).
6. Zaznaev O.I., Sidorov V.V. Forms of government and ethnic conflicts. Kazan, 2020. P. 184 (in Russ.).
7. Ilyin I.A. Theory of Law and State / ed. and a biographer. an essay by V.A. Tomsinov. 2nd ed., add. M., 2008. P. 471, 472 (in Russ.).
8. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of Philosophy of Law). 2nd ed. M., 2001. P. 102, 104, 278–285 (in Russ.).
9. Kondakov I.A. Logical Dictionary. M., 1971. P. 412 (in Russ.).
10. Kokhanovsky V.P. et al. Philosophy of science in questions and answers. Rostov n/D., 2006. P. 15, 114 (in Russ.).
11. Lloyd D. The idea of law / transl. from English by M.A. Yumashev, Yu. M. Yumashev; scientific ed. by Yu. M. Yumashev. M., 2002. P. 383, 385, 387, 388 (in Russ.).
12. Piontkovsky A.A. Hegel's Doctrine of Law and the state and its criminal law theory. M., 1963. P. 53 (in Russ.).
13. Muromtsev S.A. Definition and basic division of law. 2nd ed. SPb., 2004. P. 25, 26 (in Russ.).
14. Rybakov O. Yu. Philosophy of Law: textbook for masters. M., 2021. P. 141 (in Russ.).
15. Stepanenko R.F. Causality, the concept and types of legal marginality // State and Law. 2014. No. 6. P. 98–103 (in Russ.).
16. Theory and methodology of legal science: textbook for the magistracy: in 2 parts / ed. M.N. Marchenko. M., 2019. Part 1. P. 131, 312, 313 (in Russ.).
17. Umnova-Konyukhova I.A. Constitutional futurist law and constitutional futurology in the XXI century. M., 2021 (in Russ.).
18. Feyerabend P. Elected proceedings on the methodology of science / transl. from English and German; general ed. and the author of the introductory article I.S. Narskaya. M., 1976. P. 163, 184, 185, 523 (in Russ.).
19. Frolova E.A. Problems of theory and Philosophy of Law. M., 2015. P. 69 (in Russ.).
20. Sheludchenko D.A. Philosophical foresight: a constructivist approach // Modern problems of science and education. 2014. No. 4 (in Russ.).

Authors' information

STEPANENKO Raviya F. — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia; Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Higher Educational Institution “TISBI University of Management”; 11/43 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia